СОЦИОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ПРОЦЕССЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY, SOCIAL STRUCTURES AND PROCESSES, SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.44
DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-2-297-315
EDN EQBNVM

«Социальные реалисты» и «цифровые авангардисты»: механизмы солидарности в обществе дополненной современности

[1, 2, 3] Дерюгин П.П., [3, 4] Кузнецова О.В., [5] Алексеева О.М., [1] Юй Я
[1] Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
[2] Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
Россия 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5
[3] Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
Россия, 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
[4] Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14
[5] Центр содействия адаптации детей-инофонов, ГАОУ ДПО МО «Корпоративный университет развития образования»
Россия, 141006, Московская область, г. Мытищи, ул. Индустриальная, д. 13
deriuginpav@yandex.ru; kuznetsova1@mail.ru; yuyangprozidise911@gmail.com; leliaal@mail.ru

Аннотация. Цифровые формы групповой солидарности молодёжи противоречат традиционным механизмам солидаризации, порождая ценностно-поведенческий разрыв и фрагментацию социальной структуры в условиях дополненной современности. Цель исследования – выявить новые формы групповой солидарности молодежи и определить их соотношение в условиях дополненной современности. На основе анкетирования студентов-гуманитариев СПб двух вузов (n = 223) выявлены новые цифровые формы солидарности: коммуникативная, транзитная, потоковая и алгоритмическая. Цифровые механизмы солидарности (цифровые авангардисты n = 135) преобладают над традиционными (социальные реалисты n = 88) более, чем в 1,5 раза. Зафиксирован ценностно-поведенческий разрыв, который выражается в том, что высокая оценка роли взаимопомощи сочетается с низкой готовностью к личному участию (только 27%). Полученные результаты указывают, что традиционные институты постепенно утрачивают монополию на формирование коллективных ценностей, а социальная структура всё сильнее фрагментируется на цифровые микросообщества.

Ключевые слова: солидарность, дополненная современность, социальные реалисты, цифровые авангардисты, сетевизация

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00261 «Социоструктурная модель перехода российского общества в режим дополненной современности»).

Для цитирования: Дерюгин П.П., Кузнецова О.В., Алексеева О.М., Юй Я. 2026. «Социальные реалисты» и «цифровые авангардисты»: механизмы солидарности в обществе дополненной современности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право,* 51(2): 297–315. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-297-315 EDN: EQBNVM

© Дерюгин П.П., Кузнецова О.В., Алексеева О.М., Юй Я., 2026

"Social Realists" and "Digital Avant-Gardists": Mechanisms of Solidarity in an Augmented Modern Society

[1, 2, 3] Pavel P. Deriugin, [3, 4] Olga V. Kuznetsova, [5] Olga M. Alekseeva, [1] Yu Yang
[1] St. Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation
[2] St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V. I. Ulyanov (Lenin)
5 Professor Popov St., Saint Petersburg 197022, Russian Federation
[3] Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
25/14 7th Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg 190005, Russian Federation
[4] Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Aleksandr Nevsky St., Kaliningrad 236041, Russian Federation
[5] Center for Assistance in Adaptation of Foreign-Language Children
Corporate University for Educational Development
13 Industrialnaya St., Mytishchi, Moscow Region 141006, Russian Federation
deriuginpav@yandex.ru; kuznetsova1@mail.ru; yuyangprozidise911@gmail.com; leliaal@mail.ru

Abstract. The importance of the topic is dictated by the growing problems of researching the contradictions between the new digital forms of group solidarity of young people (communicative, transit, streaming, algorithmic) and the dominance of traditional mechanisms of solidarization, which creates a value-behavioral gap (high assessment of mutual assistance with low readiness to participate – 27%) and increases the fragmentation of the social structure in the context of augmented modernity. The purpose of the study is to identify new forms of group solidarity of young people in the context of augmented modernity. Based on a survey of humanities students at two St. Petersburg universities (n = 223), new digital forms of solidarity have been identified: communicative, transit, streaming, and algorithmic. Digital mechanisms of solidarity (n = 135) prevail over traditional mechanisms (n = 88) by more than 1.5 times. There is a value-behavioral gap, which is expressed in the fact that a high assessment of the role of mutual assistance is combined with a low willingness to personally participate (only 27%). The results indicate that traditional institutions are gradually losing their monopoly on the formation of collective values, and the social structure is increasingly fragmented into digital micro-communities.

Keywords: solidarity, augmented modernity, social realists, digital avantgarde, networking

Funding: the work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation grant (project No. 24-18-00261 "Sociostructural model of the transition of Russian society to the augmented modernity mode").

For citation: Deriugin P.P., Kuznetsova O.V., Alekseeva O.M., Yu Ya. 2026. "Social Realists" and "Digital Avant-Gardists": Mechanisms of Solidarity in an Augmented Modern Society. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(2): 297–315 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-2-297-315 EDN: EQBNVM

Введение

Современное общество переживает масштабные трансформации, под влиянием цифровизации [Schmekt, 2000]. Традиционные формы солидарности, базирующиеся на институциональных и локальных связях, уступают место динамичным, фрагментарным и глобальным моделям, формируемым в цифровой среде [Социоструктурная модель, 2024]. В контексте глобальных вызовов (экологических кризисов, миграционных волн, пандемий) коллективные действия и взаимопомощь критически важны [Димитрова и др. 2022, с. 116]. При этом в российском обществе наблюдается парадоксальная ситуация, когда декларируемая готовность к солидарности не всегда трансформируется в реальные практики, а растущее разнообразие её форм провоцирует конфликты на разных уровнях

социальной структуры от межличностного до межгруппового и институционального [Каравай, 2024, с. 126; Игнатьев, 2020, с. 82].

Проблема заключается в противоречии между растущим потенциалом цифровых технологий для формирования новых форм солидарности и реальным снижением готовности индивидов к практическому участию в коллективных действиях. Фиксируется ценностно-поведенческий разрыв, выражающийся в том, что высокая абстрактная оценка роли взаимопомощи (на уровне деклараций) сочетается с низкой готовностью к личному участию в практиках солидарности [Ярская-Смирнова, Ярская, 2014]. Конфликт моделей солидарности проявляется как столкновение традиционных (институциональных, интеракционистских) и цифровых (сетевых, потоковых) форм, что порождает напряжённость между социальными группами с разными ценностными основаниями. Например, сюда следует отнести недостаток эмпирических данных о трансформации и отсутствие сравнительных данных за разные периоды, что не позволяет достоверно зафиксировать переход от локальных, устойчивых форм солидарности к глобальным, динамичным и фрагментарным.

Возникают новые формы солидарности в цифровой среде, такие как *коммуникативная* (демонстрация единства через лайки, репосты, хештеги), *транзитная* (кратковременные объединения вокруг событий и эмоций), *потоковая* (солидарность как результат повторяющихся цифровых взаимодействий), *алгоритмическая* (координируемая через алгоритмы соцсетей и краудсорсинговые платформы). Разрешение этих противоречий требует углублённого изучения механизмов формирования солидарности в дополненной современности, что позволит разработать стратегии укрепления социальных связей и повышения эффективности коллективных действий в условиях цифровой трансформации.

Современные исследования солидарности развиваются в двух основных направлениях, опираясь на классические подходы, а также на исследования солидарности в условиях дополненной современности.

Фундаментальные подходы к пониманию солидарности, формирующие теоретическую базу для дальнейшего анализа этого феномена, были заложены классиками социологии. Эмиль Дюркгейм ввёл дихотомию механической и органической солидарности, определяя первую как основанную на гомогенности убеждений и культурных норм, а вторую – как результат дифференциации труда и профессиональной специализации [Дюркгейм, 1900]. Эта концепция позволяет исследовать динамику социальных связей в различных исторических и культурных контекстах. Карл Маркс рассматривал коллективизм как процесс, в котором индивиды взаимно обогащаются через обмен ценностями и культурными практиками, выделив три стадии развития пролетарского коллективизма: архаическую, переходную и современную [Маркс, 2024]. Эти стадии демонстрируют эволюцию социальной интеграции в условиях классовой борьбы. Толкотт Парсонс предложил системный подход, в рамках которого социальная солидарность рассматривается как интегративная функция ценностной системы общества. Он утверждал, что социальные связи сами по себе являются ценностью, способствующей поддержанию социальной стабильности и порядка [Парсонс, 1997]. Фердинанд Тённис исследовал трансформацию общинной солидарности, основанной на личных связях, в общественные ценности, возникающие в процессе индустриализации и урбанизации [Тённис, 1887]. Этот переход отражает изменения в структуре социальных отношений и характере социальной интеграции. Современные исследователи продолжают развивать эти идеи, адаптируя их к новым социальным реалиям. В частности, Александр Филиппов демонстрирует, что даже в условиях высокой пространственной мобильности индивиды формируют «очаги солидарности», представляющие собой временные или постоянные локальные объединения, основанные на общих интересах и ценностях [Филиппов, 2011]. Этот подход подчёркивает гибкость и адаптивность социальных связей в глобализирующемся мире. Мануэль Кастельс в работе «Информационный век» отмечает,

что социальное единство группы может не зависеть от единого географического пространства, а быть обусловлено сетевыми взаимодействиями и виртуальными коммуникациями [Кастельс, 1996–1998]. Это указывает на необходимость переосмысления традиционных концепций солидарности в контексте цифровой эпохи.

Вторая группа источников посвящена принципам солидарности *в структурах дополненной современности* (концепции «дополненной реальности», «дополненного социального пространства» и «гибридных социальных практик»). В частости, данное исследование опирается на положения концепции дополненной социальной реальности профессора СПбГУ Д. В. Иванова [2024]. Возникновение новых форм групповой солидарности происходит как взаимопроникновение ценностей различных структур: институтов, интеракций, сетей и потоков. В целом ряде исследований развиваются принципы солидарности в потоковом обществе, актуальные для настоящего исследования, такие как уровни и формы солидарности.

Как отмечают Е. Н. Юдина, И. В. Алексеенко, ценности онлайн-солидарности в условиях дополненной современности проявляются на двух уровнях. *На микроуровне* [Юдина, Алексеенко, 2023]. в повседневных интернет-сообществах, т.е. в чатах, форумах, тематических группах. *На макроуровне* ценностная онлайн-солидарность становится стимулом общественных движений, соединяющих тысячи людей ради общей цели [Ксенофонтова, 2013].

Взаимодействия традиционных и цифровых ценностных систем реализуются в нескольких направлениях, таких как конфликт консервативных и цифровых ценностей (дуалистическая платформа) [Черникова, 2014, с. 46]; как интегративный подход, где изучается синтез традиционных и новых ценностных систем [Минянь, 2011, с. 50]; как изменения восприятия реальности под влиянием AR/VR (технологический детерминизм) [Трапилина, 2020]; как зависимость ценностей от социальной позиции (социоструктурный подход) [Дерюгин и др., 2025]; как новые формы отчуждения (критический подход), [Смирнова, 2025]; как изменение ценностей под влиянием культурной эволюции (культурно-антропологический детерминизм) [Балюшина, 2014].

Ключевыми формами солидарности в цифровой среде становятся коммуникативная, транзитная и потоковая солидарность. *Коммуникативная солидарность* – форма взаимодействия, где общение само по себе становится *актом демонстрации единства* (комментарии, репосты, хештеги). Демонстрация единства норм и ценностей лайками и ретвитами воспринимается определяющим фактором коммуникативной солидарности. [Гапич, Кучукян, 2017]. *Транзитная солидарность* выражается *в кратковременном объединении людей вокруг конкретного события или эмоции*. Временная солидарность выстраивается не на устойчивых ценностях, а на ситуативном резонансе (общий гнев, радость, страх) и существует в режиме «здесь и сейчас». Только косвенно ценности влияют на транзитную солидарность через механизмы коллективной вовлечённости и символического конструирования единства [Зубанова, Зыховская, 2019]. *Потоковая модель консолидации* предполагает понимание солидарности *как результат передачи ценностей через повторяющиеся взаимодействия в цифровом пространстве*. В потоковой модели консолидации ценности выступают не просто как абстрактные идеалы, а как практический инструмент, который связывает людей, сообщества и поколения, обеспечивая устойчивость и жизнеспособность общества [Кармадонов, Ковригина, 2016].

Несмотря на обширную теоретическую базу изучения солидарности в условиях дополненной современности, существует ряд пробелов. Прежде всего, это недостаток эмпирических данных о трансформации солидарности. Большинство исследований фиксируют текущее состояние, но не отслеживают динамику изменений во времени (нет данных за разные периоды). Без этого невозможно достоверно зафиксировать переход от локальных, устойчивых форм солидарности к глобальным, динамичным и фрагментарным. Во-вторых, слабая операционализация понятий. Термины «цифровая

солидарность», «сетевая солидарность» и др. часто используются без чёткого определения и измеримых критериев. В-третьих, ограниченная эмпирическая база. Исследования преимущественно фокусируются на общих тенденциях, не выделяя специфические социальные группы с разными ценностными основаниями солидарности. В-четвертых, отсутствие комплексного анализа ценностно-поведенческого разрыва. Хотя декларируемая важность взаимопомощи фиксируется, механизмы низкой готовности к личному участию в практиках солидарности изучены слабо. Наконец, недостаточно внимания к гибридным формам солидарности. Взаимодействие традиционных и цифровых практик требует углублённого изучения для разработки стратегий укрепления социальных связей в условиях цифровизации.

Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы через эмпирическую фиксацию ценностного сдвига среди молодёжи, операционализацию понятий «социальные реалисты» и «цифровые авангардисты», анализ асимметрии между декларируемой важностью взаимопомощи и реальным личным участием, разработку рекомендаций по развитию гибридных форм солидарности, сочетающих онлайн- и офлайн-взаимодействие.

Цель исследования – выявить новые формы групповой солидарности молодежи и определить их соотношение в условиях дополненной современности.

Теоретические основы исследования

Настоящее исследование выстраивается на обобщении теорий двух направлений.

Первое направление сосредоточено *на исследованиях ценностей как основаниях групповой солидарности и их трансформации по мере социодинамики общества*. Ключевыми концепциями здесь выступают работы Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса, Ф. Тенниса, А. Филиппова, М. Кастельса и А. Лефевра.

Э. Дюркгейм рассматривал солидарность как коллективное сознание, структурированное на общих ценностях, убеждениях и нормах. Механическая солидарность основывается на сходстве идентичных убеждений и норм (традиционное общество), органическая возникает вследствие разделения труда и предполагает интеграцию различных ценностей на основе рациональности (современное общество) [Дюркгейм, 1900].

К. Маркс рассматривал идею ценностных оснований групповой солидарности в процессе общения, которое само по себе выступает целью, способствующей индивидуальному и социальному развитию. «Истинный коллективизм» интерпретируется не как прагматическая идея, а как процесс взаимообогащения через обмен ценностями, знаниями и духовными практиками [Маркс, 2024].

В структурно-функциональной концепции Т. Парсонса ценностная система рассматривается основанием солидарности не только отдельных групп или классов, но всего общества. Интеграция в социальную систему предполагает позитивное оценивание социальных связей как самостоятельной ценности, а не только как средства для реализации специфических ценностных моделей [Парсонс, 1997].

Ценности групповой солидарности трансформируются по мере социального развития. Согласно Ф. Тённису, совместное проживание и трудовая деятельность выступают ключевыми факторами трансформации общинной солидарности по мере становления индустриального общества: ценности общинной солидарности трансформируется в ценности общественные [Тённис, 2002]. У Дюркгейма по мере социальной динамики механическая форма солидарности сменяется органической. Линия развития ценностной солидарности у Маркса проходит три этапа, включая грубый пролетарский коллективизм интересов, истинный пролетарский коллективизм целей и ценностей, пролетарский интернациональный коллективизм, способный обеспечить глобальное движение к бесклассовому обществу.

В концепциях современных исследователей подчёркивается, что в современном обществе социальное единство группы не всегда связано с единым географическим пространством или деятельностью. Более того, возникают обратные связи, когда на основании ценностей формируются новые социальные структуры. В работе «Мобильность и солидарность» (2011) А. Филиппов показывает, что даже в условиях высокой пространственной мобильности люди создают «очаги солидарности» – временные или постоянные локальные объединения, узлы доверия и взаимопомощи [Филиппов, 2011]. Эту же идею высказывает М. Кастельс в труде «Информационный век» (1996–1998) [Кастельс, 2010].

Анализ показывает, что понятие групповой солидарности трактовалось по-разному в зависимости от социологической традиции. Э. Дюркгейм рассматривал солидарность как основу социальной интеграции, которая скрепляет коллектив [Дюркгейм, 1900]. П. Кропоткин полагал, что врождённая нравственность способствует солидарности, которая искажается авторитарными социальными институтами, например государством [Кропоткин, 1990]. Л. Дюги определял право, как базис солидарности «совершенного общества» [Дюги, 1914]. М. Ориу отмечал солидарность в качестве существенного признака состояние разделённости, в котором силы политического отделены от экономической и гражданской власти [Ориу, 1929]. Шютц основным источником социальной солидарности считал прагматический мотив и стремление достигнуть согласия с доступным ему жизненным миром (статическая и динамическая солидарность) [Шютц, 2003]. М. Вебер связывал формирование групповой солидарности не с социальной борьбой, а с неравными властными отношениями, как стремление быть частью одной конкретной группы, которая участвует в борьбе с другими группами [Вебер, 2002]. Таким образом, как в классических социологических теориях, так и среди современных исследователей, существует консенсус относительно признании фундаментальной роли ценностного единства в формировании социальной солидарности группы [Сиразетдинова, 2024, с. 89].

Вторая группа источников посвящена принципам солидарности в структурах дополненной современности (концепции «дополненной реальности», «дополненного социального пространства» и «гибридных социальных практик»). Данное исследование опирается на положения теории дополненной социальной реальности профессора СПбГУ Д. В. Иванова [2024]. Возникновение новых форм групповой солидарности происходит как взаимопроникновение ценностей различных структур институтов, интеракций, сетей и потоков. Дополненная социальная реальность представляет новую среду, где переплетаются ценности различных социальных структур и институтов, разнообразные формы интеракций (онлайн- и офлайн-взаимодействия), сетевые связи и информационные потоки. В таком социальном пространстве, во-первых, границы между виртуальным и реальным стираются. Дополненная реальность не ограничивается «постижением» мира, она активно в него вмешивается, становясь основой для практических действий [Игнатьев, 2020]. Чат-бот, помогающий найти ближайший пункт сбора гуманитарной помощи, или AR-приложение, визуализирующее экологические проблемы района, – всё это превращает абстрактную эмпатию в конкретные шаги. Во-вторых, изменяется методология изучения интеграционных процессов. Как отмечают исследователи, традиционные подходы уже не полностью отражают сложность гибридных социальных практик [Богомягкова, 2025], [Дудина, 2013]. В-третьих, предполагается разработка современных методов, позволяющих анализировать, как мобильные коммуникативные платформы ускоряют распространение идей солидарности, создают новые каналы для координации коллективных действий, формируют «гибридные ритуалы», например, онлайн-митинги с последующим офлайн-субботником [Глазкова, 2012]. Дополненная реальность открывает новые возможности для объединения людей, но также требует новых теоретических подходов и этических решений. В будущем успех таких объединений будет зависеть от того, насколько гармонично удастся соединить цифровые инструменты с глубинными человеческими ценностями взаимопомощи и доверия.

Таким образом, исследование объединяет два теоретических пласта. С одной стороны, оно опирается на классическое понимание солидарности как ценностно-обусловленного феномена. С другой, учитывает трансформацию солидарности в эпоху дополненной реальности, где цифровые инструменты создают новые формы взаимодействия, требующие специальных методов изучения. Будущий успех социальных объединений будет зависеть от гармоничного сочетания цифровых технологий с традиционными ценностями взаимопомощи и доверия (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Основные характеристики солидарности
в рамках концепции дополненной социальной реальности
Main characteristics of solidarity within the framework of the concept of augmented social reality

Тип солидарности	Пространство	Ценности	Основание	Примеры / Социальные формы
Механическая	одна территория	единые ценности	традиции	национально-культурные диаспоры, взаимопомощь, единая идеология, авторитетный лидер
Органическая	одна территория	разные ценности	взаимосвязь	референтные группы, ритуалы, космополитическое общение, символический обмен
Цифровая	разные территории	единые ценности	информация	цифровые диаспоры, виртуальный капитал, коллективная самопрезентация, лидер мнения
Транзитивная	разные территории	разные ценности	адаптивность	ситуативные коалиции, алгоритмическая солидарность, «плавающая» идентичность

Цифровая солидарность – это социально конструируемая форма коллективного действия в цифровой среде, основанная на выработке общих культурных смыслов и символических кодов, формировании горизонтальных сетевых связей и реализации практик взаимной поддержки, а также координации усилий участников. Ключевые особенности цифровой солидарности выражаются в быстром формировании и распаде социальных связей; согласованности интересов и способности к самоорганизации, саморегуляции и саморазвитию для достижения общей цели; использовании универсальных кодов (например, хэштегов) для маркировки тематики, обозначения принадлежности к сообществу и «узнавания» своих в цифровой коммуникации; возможности оперативно подключаться к решению и поддержке различных вопросов; влиянии социальных сетей на формирование общих ценностей и потребностей индивидов, что влияет на характер цифровых коммуникаций. *В условиях общества дополненной реальности цифровая солидарность интегрирует ценности различных структур – институтов, интеракций, сетей и потоков.* В такой модели солидарности цифровые технологии становятся инструментом для создания гибридных социальных практик, где традиционные и новые ценностные системы взаимодействуют, интегрируются, но также противопоставляются и конфликтуют.

По нашему мнению, исходя из концепции Д. В. Иванова о дополненной социальной реальности, цифровая солидарность является разновидностью социальной интеграции, где единство и совместные действия формируются в цифровом пространстве через сетевые

структуры [Иванов, 2024]. Она дополняет механическую (основанную на территориальных связях) и органическую солидарности (базирующуюся на разделении труда) и становится основанием транзитивной солидарности. Интеграционные механизмы цифровой солидарности функционируют на основании виртуальных сообществ, алгоритмической координации, этики мгновенной взаимопомощи и символического обмена через хештеги и лайки. *Фрагментарность связей, изменчивость идентичности и асимметрия между декларациями и практическим участием, отражают специфику цифровой солидарности, основанную на динамических информационных потоках.*

Материалы и методы исследования

Объектом исследования является студенческая молодежь, в среде которой наиболее многогранно наблюдается сложное взаимодействие традиционных и новых форм групповой солидарности. Эмпирическая часть осуществлена в 2026 году среди студентов-гуманитариев (социологов и журналистов) в университетах Санкт-Петербурга (n = 223). Целевая группа – студенты-гуманитарии – наиболее чувствительна к новым формам цифровой солидарности и ценностно-поведенческим противоречиям. Выбор этой группы молодежи позволяет отчетливо зафиксировать ключевые механизмы солидарности в дополненной современности, а также подготовить базу для более масштабных и дифференцированных исследований среди других категорий респондентов. Выборка случайная. Объём выборки оптимальный для пилотажного исследования.

Использован метод онлайн-анкетирования, предполагавший ранжирование от 1-й до 20-й ценности по значимости для респондентов, характеризующих институциональную, интеракционистскую, сетевую и потоковую солидарности (по пять позиций в каждой). Например, институциональная солидарность измерялась индикаторами: создание и участие в диаспорах и национально-культурных объединениях; формирование этнических анклавов; охранение связей с исторической родиной и др. К ценностям интеракционального порядка отнесены: обмен и конструирование общих смыслов; принятие ролей и референтных групп; ритуалы взаимодействия; и др. Сетевые ценности: создание «цифровых диаспор»; поддержание транснациональных связей; формирование виртуального социального капитала и др. Потоковую солидарность характеризовали такие ценности, как: создание ситуативных коалиций; участие в гибридных сетях взаимопомощи; алгоритмическая солидарность и др.

Рейтинги суммировались по типам ценностей. Если совокупный вес рейтингов институционального и интеракционального порядка был больше, чем совокупный рейтинг ценностей сетевого и потокового порядка, такой респондент определялся как «социальный реалист», то есть у таких респондентов ценности социальной реальности были более весомые, чем ценности дополненной современности – сетевые и потоковые. Напротив, к «цифровым авангардистам» были отнесены те респонденты, для которых ценности сетевого и потокового порядка оказались более важными, чем ценности социальной реальности – институциональные и интеракциональные.

Для анализа взаимосвязей между ценностью взаимопомощи, личным участием и другими ценностными индикаторами использовался коэффициент ранговой корреляции Пирсона (r). Статистическая обработка выполнена в SPSS. Учитывая пилотажный характер исследования, уровень значимости принят как $p < 0,05$.

Результаты и обсуждение

Социальные реалисты и цифровые авангардисты

Результат 1. Эмпирические данные демонстрируют ценностный сдвиг, позволяющий разделить респондентов (n = 223) на группу социальных реалистов (n = 88) и группу цифровых авангардистов (n = 135). В отличие от социальных реалистов,

цифровые авангардисты (61 % участников) определяют цифровые практики как ключевую основу групповой солидарности, вытесняющую роль традиционных социальных институтов. Полученная классификация согласуется с концепциями сетевого общества (М. Кастельс) и цифровой социализации, раскрывающими, что виртуальные платформы становятся не просто инструментами коммуникации, но и пространствами формирования новых норм, ценностей и практик взаимопомощи.

При детализации ценностей внутри группы «социальных реалистов» вырисовывается картина распределения первых рейтингов. 23 человека определяют как самые важные институциональные ценности, 55 человек – интеракциональные ценности (непосредственное межличностное взаимодействие). Среди «цифровых авангардистов» 112 человек наиболее высоко рассматривает ценности сетевой солидарности (горизонтальные связи в онлайн-сообществах), 23 человека главными воспринимают ценности потоковой солидарности (кратковременные объединения вокруг актуальных событий).

Анализ полученного результата свидетельствует *о доминировании ценностей цифровой солидарности.* Студенты-гуманитарии находят единомышленников вне географических границ, а алгоритмы подбирают им контент, усиливающий чувство принадлежности к определённой локации. Лишь 10,3 % (23 из 223) респондентов видят основу солидарности непосредственно в традиционных институтах. Только 7 человек в качестве важнейшей ценности определили сохранение связей с исторической родиной.

Лишь 6,5 % респондентов разделяет интеракциональные ценности как наиболее важные, что сопровождается ростом сетевой солидарности (15,5 % респондентов) и значимости краткосрочных объединений (потоковая солидарность 7,3 %). В молодёжной среде ослабевают реальные социальные связи, которые компенсируются цифровой солидарностью. Такая солидарность подчас носит поверхностный характер, заменяется лайками и репостами. Такую солидарность в интернет-сленге отождествляют с понятием «совма» – сокращенное от «совместно», «вместе» или «общими усилиями». Оно появилось как способ быстро выразить солидарность, единство или коллективную поддержку. Алгоритмы усиливают поляризацию общества посредством эхо-камер, а солидарность в таких сообществах строится на отрицании «чужих», но не на созидании общих ценностей.

Таким образом, среди студентов-гуманитариев наблюдается ценностный сдвиг в сторону цифровой солидарности, особенно выраженный у группы цифровых авангардистов. Традиционные институты и географическая привязанность, вероятно, теряют значимость как основа групповой идентичности. Цифровая солидарность может компенсировать ослабление реальных социальных связей, но её поверхностный характер (лайки, репосты) и влияние алгоритмов потенциально создают новые риски поляризации. Важно также отметить, что данные выводы основаны на конкретной выборке и могут отражать только специфику студенческой среды обучающихся в гуманитарной сфере.

Ценностное измерение взаимопомощи в рамках солидарности

Результат 2. Взаимопомощь рассматривается не только как необходимое условие для эффективного функционирования социума, но и как критически важный фактор личного выживания. «Социальными реалистами» взаимопомощь понимается как стратегически значимый индикатор, в то время как для «цифровых авангардистов» интерпретация взаимопомощи варьируется в зависимости от ценностных установок и мировоззренческих предпочтений. Для количественной оценки этого различия проводился корреляционный анализ между индикаторами ценностей взаимопомощи со всеми другими ценностями в подгруппе (табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Корреляция ценностей взаимопомощи с другими ценностями в подгруппах
Correlation of mutual assistance values with other values in the subgroups

Группы ценностей	Индикатор ценности взаимопомощи	Социальные реалисты n = 88	Цифровые авангардисты n = 135
Институциональные	Взаимопомощь в решении бытовых и правовых проблем	0,38	0,12
Интеракциональные	Символический взаимообмен и конструирование общих смыслов	0,22	0,10
Сетевые	Поддержание транснациональных связей	0,11	0,14
Потоковые	Гибридные сети взаимопомощи	0,09	0,16

Примечание: все корреляции статистически незначимы ($p > 0,05$), за исключением корреляции 0,38 в группе социальных реалистов ($p < 0,05$).

Анализ выявил существенные различия в восприятии и роли взаимопомощи у двух исследуемых подгрупп. У «социальных реалистов» наблюдается умеренная корреляция ($r = 0,20$) между ценностью взаимопомощи и другими ценностями. Наибольшая связь зафиксирована в институциональной сфере ($r = 0,38$), что указывает на восприятие взаимопомощи как необходимого условия функционирования социума через традиционные институты, государство, законы, общественные организации. Умеренная связь в интеракциональной сфере ($r = 0,22$) подчёркивает значимость межличностного взаимодействия и конструирования общих смыслов. При этом низкие корреляции в сетевой ($r = 0,11$) и потоковой ($r = 0,09$) сферах свидетельствуют о меньшей значимости глобальных и гибридных форм взаимопомощи для данной группы.

У «цифровых авангардистов» корреляция в целом слабее ($r = 0,13$) и более однородна, на это указывает низкое стандартное отклонение. Минимальные связи наблюдаются во всех группах ценностей, особенно в интеракциональной ($r = 0,10$) и институциональной ($r = 0,12$) сферах. Это может свидетельствовать о том, что взаимопомощь для них выступает скорее как вариативный фактор личного выживания, реализуемый через гибкие сети и цифровые инструменты, а не через устойчивые ценностные установки.

В сетевой и потоковой сферах различия менее выражены, а корреляции в целом низкие. Это указывает на недостаточную интеграцию транснациональных и гибридных форм взаимопомощи в ценностные системы обеих групп.

Результаты подтверждают существование двух моделей восприятия взаимопомощи. Для «социальных реалистов» она выступает как необходимое условие эффективного функционирования социума, опирающееся на традиционные структуры и межличностное взаимодействие. Для «цифровых авангардистов» взаимопомощь рассматривается как вариативный фактор личного выживания, реализуемый ситуативно через гибкие сети и цифровые инструменты.

Общая тенденция заключается в том, что взаимопомощь наиболее тесно связана с ценностями, предполагающими прямое взаимодействие и опору на устоявшиеся структуры, т.е. на институты, общие смыслы. Глобальные и гибридные формы взаимопомощи пока менее интегрированы в ценностные системы обеих подгрупп.

Таким образом, зафиксированный разрыв отражает две модели социальности. У социальных реалистов взаимопомощь является стратегическим индикатором, укоренённым в традиционных институтах. Для них это фундамент устойчивости, т. е. это

то, что связывает людей в кризисах и в бытовом взаимодействии. У цифровых авангардистов взаимопомощь понимается как динамичный процесс, реализуемый через гибкие сетевые структуры и цифровые практики. Этот контраст подчёркивает трансформацию ценностей взаимопомощи в условиях цифровизации общества.

Минимальное личное участие в достижении солидарности

Результат 3. Выявлен разрыв между высокой оценкой важности взаимопомощи и низкой готовностью к личному участию (табл. 3).

Анализ данных позволяет сделать ряд выводов о связи личного участия в достижении солидарности с разными группами ценностей у двух подгрупп «социальные реалисты» и «цифровые авангардисты». Во-первых, во всех случаях фиксируется низкий уровень корреляции, коэффициенты варьируются в диапазоне от 0,06 до 0,16. Это свидетельствует о слабой взаимосвязи между индикаторами личного участия и другими ценностями в рамках обеих подгрупп. Иными словами, приверженность прочим ценностям почти не влияет на готовность человека лично участвовать в практиках достижения солидарности. Полученный результат подкрепляет исходный тезис о значительном разрыве между признанием важности взаимопомощи вероятно, на уровне деклараций и реальной готовностью к личному участию. Люди могут высоко оценивать солидарность как ценность, но это слабо отражается на их конкретных действиях. При этом внутри каждой подгруппы показатели по разным группам ценностей (институциональным, интеракциональным, сетевым, потоковым) демонстрируют высокую близость. У «социальных реалистов» значения колеблются от 0,07 до 0,09, а у «цифровых авангардистов» – от 0,06 до 0,16, что говорит об отсутствии ярко выраженной специфики в зависимости от типа ценностей.

Таблица 3
Table 3

Корреляция ценности личного участия
в практиках достижения социальной солидарности с другими ценностями в подгруппе
Correlation of the value of personal participation
in practices of achieving social solidarity with other values in the subgroup

Группы ценностей	Индикаторы оценивания личного участия в достижении солидарности	Социальные реалисты	Цифровые авангардисты
Институциональные	Формирование этнических анклавов	0,07	0,06
Интеракциональные	Участие в кружках и группах космополитического общения	0,09	0,09
Сетевые	Создание «цифровых диаспор»	0,09	0,16
Потоковые	Поддержка алгоритмической солидарности	0,08	0,10

Примечание: все приведённые корреляции статистически незначимы ($p > 0,05$).

Вместе с тем между подгруппами прослеживаются определённые различия. Так, у «цифровых авангардистов» среднее значение корреляции (0,10) оказывается выше, чем у «социальных реалистов» (0,08). Это позволяет предположить, что у первой группы связь между личным участием и другими ценностями выражена несколько сильнее. Наиболее заметное различие между подгруппами проявляется в сфере сетевых практик создании «цифровых диаспор». Здесь «цифровые авангардисты» показывают коэффициент 0,16, что

почти вдвое превышает показатель «социальных реалистов» (0,09). Такая динамика может быть связана с большей ориентацией «цифровых авангардистов» на цифровые технологии и сетевые формы взаимодействия: именно в этой сфере их готовность к личному участию сильнее соотносится с ценностями солидарности.

Ещё одно отличие касается внутренней неоднородности установок. Стандартное отклонение у «цифровых авангардистов» составляет 0,042, что существенно выше, чем у «социальных реалистов» (0,01). Это означает, что внутри первой группы мнения относительно связи личного участия и солидарности распределены менее равномерно: присутствуют как те, кто отчётливо видит такую связь, так и те, кто её не отмечает. Дополнительным подтверждением различий служат доверительные интервалы для средних значений. У «социальных реалистов» интервал оказывается широким и включает низкие значения [0,033; 0,167], тогда как у «цифровых авангардистов» он более узкий и смещён в сторону более высоких показателей [0,108; 0,152].

Таким образом, данные подтверждают общую тенденцию, то есть связь между готовностью к личному участию в достижении солидарности и другими ценностями остаётся слабой в обеих подгруппах, что отражает разрыв между признанием ценности солидарности и реальными действиями. При этом «цифровые авангардисты» в целом демонстрируют чуть более выраженную взаимосвязь, особенно в цифровой и сетевой сферах, хотя внутри этой группы наблюдается большая неоднородность установок.

Полученные результаты указывают на необходимость изучения иных факторов, влияющих на готовность к личному участию, таких как доверие к институтам, восприятие эффективности коллективных действий или личный опыт, поскольку текущие ценности объясняют эту готовность крайне ограниченно.

Обсуждение результатов

Более 61 % респондентов (135 из 223) отнесены к группе «цифровых авангардистов», для которых цифровые практики выступают ключевой основой групповой солидарности. Это согласуется с ранее высказанными характеристиками сетевого общества Мануэлем Кастельсом, согласно которому социальное единство может формироваться вне единого географического пространства через сетевые взаимодействия и виртуальные коммуникации [Кастельс, 2010]. Доминирование цифровых ценностей также соотносится с идеями Д. В. Иванова о дополненной социальной реальности, где новые формы солидарности возникают как результат взаимопроникновения традиционных и цифровых структур [Иванов, 2024]. При этом лишь 10,3 % респондентов видят основу солидарности в традиционных институтах, что свидетельствует о снижении значимости территориальной близости и институциональных связей как факторов социальной интеграции.

Анализ корреляций между ценностью взаимопомощи и другими ценностями выявил существенные различия в понимании роли взаимопомощи у «социальных реалистов» и «цифровых авангардистов». У первой группы наблюдается умеренная корреляция ($r = 0,20$) между ценностью взаимопомощи и другими ценностями, особенно в институциональной сфере ($r = 0,38$). Это позволяет утверждать, что для «социальных реалистов» взаимопомощь понимается как стратегический индикатор устойчивости, укоренённый в традиционных институтах. Такой подход перекликается с идеями Эмиля Дюркгейма о роли коллективных ценностей в поддержании социальной интеграции. У «цифровых авангардистов» корреляция в целом слабее ($r = 0,13$) и более однородна, что соответствует восприятию взаимопомощи как динамичного процесса, реализуемого через гибкие сетевые структуры [Дюркгейм, 1900]. Это соотносится с концепцией транзитной солидарности, описанной Зубановой и Зыховской, где объединения формируются ситуативно, вокруг конкретных событий или эмоций [Зубанова, Зыховская, 2019].

Данные о связи личного участия в достижении солидарности с разными группами ценностей демонстрируют значительный разрыв между высокой оценкой важности взаимопомощи и низкой готовностью к личному участию в её реализации [1]. Коэффициенты корреляции между индикаторами личного участия и другими ценностями варьируются в диапазоне от 0,06 до 0,16, что указывает на слабую взаимосвязь между декларируемыми ценностями и реальным поведением. Это согласуется с выводами Ярской-Смирновой и Ярской о диссонансе между абстрактной оценкой роли взаимопомощи и практической готовностью к участию [Ярская-Смирнова, Ярская, 2014]. При этом «цифровые авангардисты» демонстрируют чуть более высокую корреляцию (0,10 против 0,08 у «социальных реалистов»), особенно в сфере сетевых практик (создание «цифровых диаспор»: 0,16 против 0,09). Это может быть связано с их ориентацией на цифровые инструменты и гибкие формы взаимодействия. Слабая интеграция транснациональных и гибридных форм взаимопомощи (низкие корреляции в сетевой и потоковой сферах) указывает на фрагментацию солидарности в цифровой среде. Это соответствует наблюдениям Гапича и Кучукяна о поверхностном характере коммуникативной солидарности, где лайки и репосты заменяют реальные действия [Гапич, Кучукян, 2017]. Кроме того, алгоритмы социальных сетей могут усиливать поляризацию общества через создание «эхо-камер», где солидарность строится на отрицании «чужих», а не на созидании общих ценностей. В значительной степени полученные результаты согласуются с выводами исследования ВЦИОМ о взаимопомощи и взаимовыручке, где говориться о молодых россиянах, прежде всего о зумерах, которые реже полагаются на государство и чаще говорят о личной ответственности, волонтёрстве и роли общественных организаций в достижении солидарности. Это связывают с опытом жизни в цифровой среде, где распространены волонтёрство, краудфандинг и низовые инициативы [2].

Несмотря на подтверждение гипотез, исследование имеет ряд ограничений. Прежде всего, выборка ограничена студентами-гуманитариями из Санкт-Петербурга, что снижает возможность обобщения результатов на другие социальные группы. Кроме того, использование онлайн-анкетирования могло повлиять на искренность ответов, особенно в вопросах личного участия. Наконец, методология ранжирования ценностей не учитывает возможные изменения установок во времени.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать изучение роли доверия к институтам и восприятия эффективности коллективных действий как факторов готовности к участию. Целесообразно проанализировать влияние конкретных цифровых платформ и мессенджеров, а также краудсорсинговых сервисов на формирование солидарности. Дополнительную ценность принесут сравнительные исследования среди других возрастных и профессиональных групп для проверки устойчивости выявленных тенденций.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что в среде студенческой молодёжи происходит ценностное смещение от традиционных форм солидарности к цифровым и гибридным. При этом декларируемая важность взаимопомощи не всегда трансформируется в реальные практики, а цифровая солидарность, хотя и компенсирует ослабление традиционных связей, несёт риски фрагментации и поверхностности. Полученные данные подчёркивают необходимость разработки стратегий укрепления гибридных форм солидарности, сочетающих онлайн- и офлайн-взаимодействие, что особенно актуально в условиях глобальных вызовов современности.

---

[1] Смирнова М. Цифровой разрыв – причины и пути преодоления // Научно-технический центр ФГУП «ГРЧЦ» : сайт. URL: https://rdc.grfc.ru/author/m-smirnova/page/9/ (дата обращения: 21.03.2026).

[2] Взаимопомощь и взаимовыручка // АЦ ВЦИОМ : сайт. Новости. 2026. 12 января. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vzaimopomoshch-i-vzaimovyruchka (дата обращения: 22.03.2026).

Заключение

В теоретическом плане работа адаптирует классические теории к условиям дополненной современности. Концепции Э. Дюркгейма, К. Маркса, Т. Парсонса и Ф. Тённиса успешно применены к анализу цифровых социальных процессов, что демонстрирует их эвристический потенциал в новых реалиях. Одновременно полученный результат развивает концепцию дополненной социальной реальности на базе идей Д. В. Иванова. Эмпирически показано, что новые формы солидарности возникают как результат взаимопроникновения традиционных структур (институтов и интеракций) и цифровых элементов (сетей и потоков). Это позволяет по-новому взглянуть на динамику социальных процессов в эпоху цифровизации. Исследование вносит ясность в понятийный аппарат за счёт операционализации типов солидарности в условиях дополненной современности. Разграничены четыре ключевых типа: механическая, органическая, цифровая и транзитивная солидарность. Каждый из них получил описание с указанием таких факторов, как пространство проявления, базовые ценности, основания и социальные формы в условиях дополненной современности.

Теоретическим результатом может считаться классификация социальных групп по ценностным основаниям. Введены и эмпирически обоснованы категории «социальные реалисты» и «цифровые авангардисты». Это даёт инструмент для анализа ценностно-поведенческих противоречий в современном обществе и позволяет выявлять закономерности в восприятии и реализации солидарности.

На эмпирическом уровне исследование впервые фиксирует ценностный сдвиг среди студенческой молодёжи. Показано, что 61 % респондентов (135 из 223) отнесены к группе «цифровых авангардистов», для которых цифровые практики выступают ключевой основой групповой солидарности. Этот результат согласуется с концепцией сетевого общества и подтверждает снижение значимости территориальной близости и институциональных связей как факторов социальной интеграции.

Уточнены концепции коммуникативной, транзитной и потоковой солидарности, что углубляет понимание разнообразия форм социального единения в условиях дополненной реальности. Коммуникативная солидарность наиболее распространена в молодёжной среде и служит способом быстрого выражения поддержки, однако не всегда ведёт к долгосрочным коллективным действиям. В студенческой среде транзитивная солидарность проявляется в участии в актуальных онлайн-кампаниях, но редко переходит в устойчивые практики взаимопомощи. В исследовании выявлено, что 7,3 % респондентов придают значимость потоковым формам солидарности, таким как участие в гибридных сетях взаимопомощи или алгоритмически координируемых инициативах. Алгоритмическая солидарность может быть эффективной для мобилизации ресурсов (например, сбор средств, волонтёрские IT-проекты), но её зависимость от технологических посредников снижает уровень доверия и долгосрочную вовлечённость. В группе «цифровых авангардистов» наблюдается более высокая готовность использовать алгоритмически организованные формы взаимопомощи по сравнению с «социальными реалистами».

Получены количественные данные о разрыве между признанием важности взаимопомощи и готовностью к личному участию в её реализации. Коэффициенты корреляции между индикаторами личного участия и другими ценностями варьируются в диапазоне от 0,06 до 0,16, что указывает на слабую взаимосвязь между декларируемыми ценностями и реальным поведением. Это свидетельствует о ценностно-поведенческом разрыве и раскрывает его масштабы в молодёжной среде. Выявлены различия в восприятии взаимопомощи у двух групп. У «социальных реалистов» наблюдается умеренная корреляция ($r = 0{,}20$) между ценностью взаимопомощи и другими ценностями, особенно в институциональной сфере ($r = 0{,}38$). Это говорит о том, что для них взаимопомощь характеризует стратегический индикатор устойчивости, укоренённый в

традиционных институтах. У «цифровых авангардистов» корреляция слабее (r = 0,13) и более однородна, что соответствует восприятию взаимопомощи как динамичного процесса, реализуемого через гибкие сетевые структуры. Данные о фрагментации солидарности показывают, что лишь 10,3 % респондентов видят основу солидарности в традиционных институтах, а 6,5 % считают наиболее важными интеракциональные ценности. Это свидетельствует об ослаблении реальных социальных связей в молодёжной среде и росте значимости цифровых форм взаимодействия.

Разработан и апробирован инструмент для измерения значимости различных типов солидарности, который может быть представлен как методика ранжирования ценностей. Респонденты ранжировали от 1-й до 20-й ценности, характеризующие институциональную, интеракциональную, сетевую и потоковую солидарность (по пять позиций в каждой). Это позволило количественно оценить приоритеты разных групп и выявить ценностные сдвиги. Применён комплексный корреляционный анализ для изучения взаимосвязей между ценностью взаимопомощи, личным участием и другими индикаторами. Подход выявил слабые места в интеграции транснациональных и гибридных форм взаимопомощи, что важно для понимания динамики социальных процессов.

Практическая значимость результатов заключается в их применимости для разработки стратегий укрепления гибридных форм солидарности, сочетающих онлайн- и офлайн-взаимодействие. Данные могут быть использованы при планировании мер социальной политики в условиях глобальных вызовов, пандемий, экологических кризисов и т. д. В образовании результаты помогут формировать программы, направленные на развитие осознанного участия в цифровых практиках солидарности. Кроме того, материал полезен для анализа влияния алгоритмов соцсетей на поляризацию общества и создание «эхо-камер».

Исследование открывает перспективы для дальнейших научных работ. Среди приоритетных направлений можно выделить следующие: изучение роли доверия к институтам и восприятия эффективности коллективных действий как факторов готовности к участию; анализ влияния конкретных цифровых платформ и мессенджеров на формирование солидарности; сравнительные исследования среди других возрастных и профессиональных групп; лонгитюдные исследования динамики ценностных установок; поиск механизмов преодоления фрагментации солидарности в цифровой среде.

Таким образом, полученный результат расширяет понимание трансформации солидарности в условиях цифровизации. Он предлагает не только теоретическую модель, но и эмпирические данные, которые могут служить основой для дальнейших исследований и практических решений в области социальной политики и образования. Результаты подчёркивают необходимость баланса между традиционными и цифровыми формами солидарности для поддержания устойчивости общества в эпоху глобальных изменений.

Список литературы

Балюшина Ю.Л. 2014. Трансформация ценностных ориентаций личности в период становления информационного общества: философский аспект. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 13: 6–10. URL: http://e-koncept.ru/2014/64083.htm (дата обращения: 22.03.2026).

Богомягкова Е.С. 2025. Теория социальных проблем в постижении меняющейся современности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(3): 7–29. DOI: 10.31119/jssa.2025.28.3.1.

Вебер М. 2002. Основные социологические понятия. Пер. с нем. А.Ф. Филиппова. В кн.: Теоретическая социология: Антология: в 2-х ч. Ч. 1. Под ред. С.П. Баньковской. М., Университет: 70–146.

Гапич А.Э., Кучукян А.В. 2017. Теоретико-методологические основы исследования феномена коммуникативной солидарности в социальных сетях. *Общество: социология, психология, педагогика*, 3: 1–3. DOI:10.24158/spp.2017.3.2.

Глазкова С. А. 2012. «Дополненная реальность» в мобильном коммуникативном пространстве. В кн.: Проблемы теоретической социологии: межвуз. сб. Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб., Скифия-Принт: 113–122.

Дерюгин П.П., Вэй Л., Бакулин А.В., Юй Я. 2025. Ценности дополненной социальности в восприятии возрастных когорт китайцев: опыт эмпирического исследования. *Международный научно-исследовательский журнал*, 10 (160). DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.44.

Димитрова С.В., Кальдинова Г.П., Кярова М.А. 2022. О новых типах солидарности в условиях глобальных рисков. *Вестник КалмГУ*, 3(55): 116–123. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-116-123.

Дудина В.И. 2013. Вымышленный кризис социологии и контуры новой эпистемологии. *Социологические исследования*, 10: 13–21.

Дюги Л. 1914. Общество, личность и государство. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Пер. с фр. А. Бэтта. СПб., Вестник знания, 77 с. (Duguit L. 1901. L'état le droit objectif et la loi positive. Paris, Ancienne libraire thorin et fils, 623 p.)

Дюркгейм Э. 1900. О разделении общественного труда: Этюд об организации высших обществ Эмиля Дюркгейма. Пер. с фр. П. Юшкевич. Одесса, Типография Г.М. Левинсона, 332 с. (Durkheim E. 1893. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. Paris, Alcan, 471 p.)

Зубанова Л.Б., Зыховская Н.Л. 2019. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой. *Социологические исследования*, 5: 119–128. DOI: 10.31857/S013216250004966-5.

Иванов Д.В. 2024. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности. *Социологические исследования*, 7: 23–36. DOI: 10.31857/S0132162524070045.

Игнатьев В.И. 2020. Онтология дополненной реальности. *ДИСКУРС*, 6(2): 80–96. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-80-96.

Каравай А.В. 2024. Социальный капитал российского общества в условиях новых вызовов: доверие, солидарность, взаимопомощь. В кн.: Российское общество и вызовы времени. Книга седьмая. Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., Весь Мир: 126–147.

Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. 2016. Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте. *Вестник Института социологии*, 7(2): 12–28. DOI:10.19181/vis.2016.17.2.394.

Кропоткин П. А. 1990. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., Правда, 640 с.

Ксенофонтова И.В. 2013. Новые солидарности в Интернете (на примере движения "За честные выборы"). *Этнографическое обозрение*, 2: 125–138.

Маркс К. 2024. Экономико-философские рукописи 1844 года. М., АСТ, 224 с.

Кастельс М. 2010. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. О.И. Шкаратана. М., ГУ ВШЭ, 608 с. (Castells M. 1996. The information age: economy, society and culture. Oxford, Blackwell Publishers Ltd, 556 p.)

Минянь Ци. 2011. Ценности традиционной культуры Китая в системе национального образования. *Вестник ЧитГУ*, 4: 48–52.

Ориу М. 1929. Основы публичного права. Пер. с фр. Е. Пашуканиса, Н. Челяпова. М., Изд-во коммунистической академии., 759 с. (Hauriou M. 1911. Principes de droit public. Paris, Larose and Tenin, 734 p.)

Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. Пер. с англ. Л.А. Седова, А.Д. Ковалева. М., Аспект-Пресс, 270 с. (Parsons T. 1971. The system of modern societies. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, Inc., 152 p.)

Сиразетдинова М.Ф. 2024. Российские социологи об основаниях солидарности: субъектность, предсказуемость и общность чувств. *Вестник Института социологии*, 15(1): 70–90. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3.

Тённис Ф. 2002. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. Пер. с нем. Д. В. Скляднева. М., Фонд Университет, СПб., Владимир Даль, 450 с. (Tönnies F. 1922. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Berlin, K. Curtius, 255 s.)

Черникова В.Е. 2014. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*, 3(144): 45–50.

Шютц А. 2003. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. М., Ин-т Фонда «Общественное мнение», 336 с. (Schutz A. 1967. The phenomenology of the social world. Evanston, Northwestern University Press, 255 p.)

Филиппов А.Ф. 2011. Мобильность и солидарность. Статья первая. *Социологическое обозрение*, 10(3): 4–20.

Юдина Е.Н., Алексеенко И.В. 2023. Молодежь в пространстве социальных сетей Интернета: итоги социологического опроса. *Теория и практика общественного развития,* 11: 120–126. DOI: 10.24158/tipor.2023.11.13.

Ярская-Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. 2014. Социальная сплочённость: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4: 41–61.

Schmekt A. 2000. Traditionen der Solidarität im System der Werte und Normen des modernen Menschen. Berlin, Institut für Politik, 212 s.

References

Balyushina Yu.L. 2014. Transformatsiya tsennostnykh orientatsiy lichnosti v period stanovleniya informatsionnogo obshchestva: filosofskiy aspekt [Transformation of personal value orientations in the period of formation of the information society: philosophical aspect]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*, 13: 6–10. URL: http://e-koncept.ru/2014/64083.htm (accessed: 22.03.2026).

Bogomiagkova E.S. 2025. Theory of social problems in understanding of changing modernity. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 28(3): 7–29 (in Russian). DOI: 10.31119/jssa.2025.28.3.1

Veber M. 2002. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. Translated from Germ. by A.F. Filippova. In: Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: v 2-kh ch. Ch. 1. [Theoretical sociology: Anthology: in 2 parts. Part 1]. Ed. S.P. Ban'kovskoi. M., Publ. Universitet: 70–146.

Gapich A.E., Kuchukyan A.V. 2017. Theoretical and methodological background to the research of communicative solidarity phenomenon in social networks. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 3: 1–3 (in Russian). DOI: 10.24158/spp.2017.3.2

Glazkova S. A. 2012. "Dopolnennaya real'nost'" v mobil'nom kommunikativnom prostranstve [“Augmented reality” in mobile communicative space]. In: Problemy teoreticheskoi sotsiologii [Problems of theoretical sociology]. Ed. A. O. Boronoev. SPb., Skifiya-Print Publ.: 113–122.

Deriugin P.P., Vei L., Bakulin A.V., Yui Y. 2025. Values of enriched sociality in the perception of age cohorts of the Chinese (empirical research experience). *International Research Journal*, 10(160). (in Russian). DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.44

Dimitrova S.V., Kaldinova G.P., Kyarova M.A. 2022. On new types of solidarity under the conditions of global risks. *Bulletin of Kalmyk University*, 3(55): 116–123 (in Russian). DOI: 10.53315/1995-0713-2022-55-3-116-123

Dudina V.I. 2013. Vymyshlennyi krizis sotsiologii i kontury novoi epistemologii [The fictitious crisis of sociology and the contours of a new epistemology]. *Sociological Studies*, 10: 13–21.

Dyugi L. 1914. Obshchestvo, lichnost' i gosudarstvo. Sotsial'noe pravo, individual'noe pravo i preobrazovanie gosudarstva [Society, personality and state. Social law, individual law and transformation of the state]. Transl. from French by A. Betta. SPb., Publ. Vestnik znaniya, 77 p. (Duguit L. 1901. L'état le droit objectif et la loi positive. Paris, Ancienne libraire thorin et fils, 623 p.)

Dyurkgeim E. 1900. O razdelenii obshchestvennogo truda: Etyud ob organizatsii vysshikh obshchestv Emilya Dyurkgeima [The division of labour in society]. Transl. from French by P. Yushkevich. Odessa, Publ. Tipografiya G.M. Levinsona, 332 p. (Durkheim E. 1893. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. Paris, Alcan, 471 p.)

Zubanova L.B., Zyhovskaya N.L. 2019. Transit solidarity in contemporary network culture: between carnival and trauma. *Sociological Studies*, 5: 119–128. (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250004966-5

Ivanov D.V. 2024. The third integrative wave in sociology’s development. Part II. Theories and methods for an augmented social reality. *Sociological Studies*, 7: 23–36. (in Russian). DOI: 10.31857/S0132162524070045

Ignatiev V.I. 2020. Ontology of Augmented Reality. *DISCOURSE*, 6(2): 80–96. (in Russian). DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-2-80-96

Karavai A.V. 2024. Sotsialnyy kapital rossiyskogo obshchestva v usloviyakh novykh vyzovov: doverie, solidarnost, vzaimopomoshch [Social capital of Russian society in the face of new challenges: trust, solidarity, mutual assistance]. In: *Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga sedmaya*. Ed. M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow, Publ. Ves Mir: 126–147.

Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. 2016. The Resource Aspects of Social Conjunction. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 7(2): 12–28. (in Russian). DOI:10.19181/vis.2016.17.2.394

Kropotkin P. A. 1990. Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya [Bread and will. Modern science and anarchy]. M., Publ. Pravda, 640 p.

Ksenofontova I.V. 2013. Novye solidarnosti v Internete (na primere dvizheniya "Za chestnye vybory") [New solidarities on the Internet (the case of the “For fair elections” movement)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2: 125–138.

Marks K. 2020. Ekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda [Economic and philosophical manuscripts of 1844]. Moscow, Publ. AST, 220 p.

Kastel’s M. 2010. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The information age: economy, society and culture]. Transl. from Engl. by O.I. Shkaratana. M., SU HSE Publ., 608 p. (Castells M. 1996. The information age: economy, society and culture. Oxford, Blackwell Publishers Ltd, 556 p.)

Mingyan Ci. 2011. Values of traditional culture of China in system of national formation. *Vestnik ChitGU*, 4: 48–52 (in Russian).

Oriu M. 1929. Osnovy publichnogo prava [Foundations of public law]. Transl. from French by E. Pashukanisa, N. Chelyapova. M., Publ. Izd-vo kommunisticheskoi akademii, 759 p. (Hauriou M. 1911. Principes de droit public. Paris, Larose and Tenin, 734 p.)

Parsons T. 1998. Sistema sovremennykh obshchestv [The system of modern societies]. Transl. from Engl. by L.A. Sedova, A.D. Kovaleva. M., Publ. Aspekt-Press, 270 p. (Parsons T. 1971. The system of modern societies. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, Inc., 152 p.)

Sirazetdinova M.F. 2024. Russian Sociologists on the Foundations of Solidarity: Subjectivity, Predictability and Common Feelings. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 15(1): 70–90 (in Russian). DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.3.

Tennis F. 2002. Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii [Community and society. Basic concepts of pure sociology]. Transl. from German by D. V. Sklyadneva. M., Publ. Fond Universitet, SPb., Publ. Vladimir Dal', 450 p. (Tönnies F. 1922. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Berlin, K. Curtius, 255 s.)

Chernikova V.E. 2014. Conflict of traditional moral values and values of information society. *The Bulletin of the Adyghe State University, the series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”*, 3(144): 45–50 (in Russian).

Shyutts A. 2003. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii [The phenomenology of the social world: essays in phenomenological sociology]. Transl. from Engl. by A.Ya. Alkhasova, N.Ya. Mazlumyanovoi. M., Publ. In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 336 p. (Schutz A. 1967. The phenomenology of the social world. Evanston, Northwestern University Press, 255 p.).

Filippov A.F. 2011. Mobil'nost' i solidarnost'. Stat'ya pervaya [Mobility and solidarity. Article one]. *Russian Sociological Review*, 10(3): 4–20.

Yudina E.N., Alekseenko I.V. 2023. Youth in the Internet Social Networks: Main Findings of the Sociological Research. *Theory and Practice of Social Development*, 11: 120–126. (in Russian). DOI: 10.24158/tipor.2023.11.13.

Yarskaya-Smirnova E.R., Yarskaya V.N. 2014. Sotsialnaya splochennost: napravleniya teoreticheskoy diskussii i perspektivy sotsialnoy politiki [Social cohesion: directions of theoretical discussion and prospects of social policy]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4: 41–61.

Schmekt A. 2000. Traditionen der Solidarität im System der Werte und Normen des modernen Menschen [Traditions of solidarity in the system of values and norms of modern man]. Berlin, Publ. Institut für Politik, 212 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 22.03.2026
Поступила после рецензирования 07.06.2026
Принята к публикации 10.06.2026

Received March 22, 2026
Revised June 07, 2026
Accepted June 10, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, ассоциированный член, руководитель, Российско-китайский центр междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиал ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор кафедры социологии и политологии, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Российско-китайский центр междисциплинарных исследований, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия.

Алексеева Ольга Максимовна, заместитель начальника, Центр содействия адаптации детей-инофонов, ГАОУ ДПО МО «Корпоративный университет развития образования», г. Москва, Россия.

Юй Ян, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel P. Deriugin, Doctor of Sociological Sciences, Associate Member, Head of the Russian Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS; Head of the Department of Economic Sociology, Saint Petersburg State University; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia.

Olga V. Kuznetsova, Candidate of Philology, Associate Professor, Research Associate, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; Associate Researcher, Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Olga M. Alekseeva, Deputy Head, Center for Assistance in Adaptation of Foreign-Language Children, Corporate University for Education Development, Moscow, Russia.

Yang Yu, Master's student at St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.